

Три чашки чая

Автор:

[Грег Релин](#)

Три чашки чая

Дэвид Оливер Релин

Грег Мортенсон

Проект TRUE STORY. Книги, которые вдохновляют (Эксмо)

«Три чашки чая» – это поразительная история о том, как самый обычный человек, не обладая ничем, кроме решительности, способен в одиночку изменить мир.

Грег Мортенсон подрабатывал медбратом, ночевал в машине, а свое немногочисленное имущество держал в камере хранения. В память о погибшей сестре он решил покорить самую сложную гору К2. Эта попытка чуть ли не стоила ему жизни, если бы не помощь местных жителей. Несколько дней, проведенных в отрезанной от цивилизации пакистанской деревушке, потрясли Грега настолько, что он решил собрать необходимую сумму и вернуться в Пакистан, чтобы построить школу для деревенских детей.

Грег Мортенсон, Дэвид Релин

Три чашки чая

Greg Mortenson and David Oliver Relin

THREE CUPS OF TEA

One Man's mission to fight terrorism and build nations...

One School at a time

Copyright © Greg Mortenson and David Oliver Relin, 2006

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Посвящается Ирвину «Демпси» Мортенсону, Барри «Бэррелу» Бишопу и Ллойдгу Генри Релину, которые показали нам путь, пока были здесь

ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МИР

Дикая. Опасное путешествие как способ обрести себя

Когда нечего терять, люди порой решаются на отчаянные поступки. История женщины, в одиночку прошедшей пешком по дикой глуши Маршрут Тихоокеанского хребта, поразила мир. Эта книга стала бестселлером, получила множество наград и заняла верхнюю строчку в рейтингах The New York Times и Amazon.com. Откровенный и эмоциональный рассказ Шерил, преодолевшей себя, вдохновляет на наведение порядка в собственной жизни.

Жизнь без границ. Путь к потрясающе счастливой жизни

Ник Вуйчич родился без рук и ног, но он вполне независим и живет полноценной и насыщенной жизнью. Ему потребовалось немало лет, чтобы научиться видеть в своих проблемах не препятствие, а возможность роста, ставить перед собой большие цели и всегда добиваться желаемого. В своей книге Ник сформулировал правила жизни, которые помогли ему, и теперь он делится ими с читателями. Это вдохновляющий, эмоциональный рассказ о том, как преодолеть трудности, отчаяние, поверить в себя и стать счастливым.

Последняя девушка. История моего плена и моё сражение с «Исламским государством»

15 августа 2014 года жизнь Надии Мурад закончилась. Боевики «Исламского государства» разрушили ее деревню и казнили ее жителей. Мать, отец и шестеро братьев Надии были убиты, а ее саму продали в сексуальное рабство. Однако она совершила невозможное – сбежала. И сейчас, став лауреатом Нобелевской премии мира, желает только одного – быть последней девушкой с такой историей.

Поймай меня, если сможешь. Реальная история самого неуловимого мошенника за всю историю преступлений

Книга, которая легла в основу культового фильма Скорсезе с Ди Каприо и Томом Хэнксом в главных ролях! Его разыскивали лучшие американские ищейки из ФБР и полицейские всей Европы. Скрываясь от преследования, он выдавал себя за пилота, профессора, врача-педиатра, адвоката, помощника прокурора и даже агента ФБР. История Фрэнка Абигнейла – самого неуловимого мошенника за всю историю преступлений.

Вступление. Орбита господина Мортенсона

Маленькая красная лампочка на пульте управления мигала уже минут пять, прежде чем пилот Бангу обратил на нее внимание. Один из самых опытных пакистанских вертолетчиков, бригадный генерал, он постучал по прибору и проворчал: «Указатели уровня горючего на этих старых машинах ужасно ненадежны. – И посмотрел на меня. – А что вы хотите? Вертолет «Алуэтт», еще

вьетнамских времен!» Казалось, что он просто хотел меня успокоить.

Я подвинулся к нему ближе и стал смотреть сквозь мутное лобовое стекло вертолета. В шестистах метрах под нами извивалась река. Она прокладывала себе путь среди скалистых утесов, теснящихся по обе стороны долины Хунза. На склонах гор искрились ледники, тающие под лучами тропического солнца. Бангу невозмутимо стряхнул пепел с сигареты прямо на табличку с надписью «Не курить».

Грег Мортенсон молчаливо сидел сзади. Вдруг он постучал по плечу пилота. «Генерал! Сэр! – прокричал Грег. – Мне кажется, мы летим не туда!»

До отставки бригадный генерал Бангу был личным пилотом президента Мушаррафа. После увольнения из армии стал работать в гражданской авиации. Ему было далеко за шестьдесят, волосы и ухоженные усы старого вертолетчика густо подернула седина. Генерала отличало великолепно поставленное произношение – результат обучения в британской колониальной школе, которую окончил и Мушарраф, и многие будущие лидеры Пакистана.

Бангу затушил сигарету и выругался. Наклонившись, он стал сравнивать данные GPS-навигатора, лежавшего на коленях, с военной картой, протянутой Мортенсоном.

«Я летаю в Северном Пакистане уже сорок лет, – недовольно сказал он, покачивая головой. – Откуда вам знать этот район лучше меня?» И неожиданно заложил крутой поворот. Вертолет направился в противоположном направлении.

Красная лампочка, которая меня так беспокоила, заморгала быстрее. Стрелка на приборе показывала, что у нас меньше ста литров горючего. Эта часть Северного Пакистана настолько удалена и неприветлива, что если мы не сможем добраться до места, то окажемся в весьма незавидном положении. Скалистый каньон, которым мы летели, абсолютно не был приспособлен для посадки вертолета.

Бангу поднял вертолет выше, задал автопилоту координаты посадочной площадки – на случай, если нам не хватит топлива, – и прибавил скорость. Когда стрелка дошла до предельного значения и прибор тревожно запищал, Бангу уже сажал вертолет в центре большой буквы Н, выложенной белыми камнями. Там нас ожидала бочка с керосином.

«Отлично получилось, – заметил Бангу, зажигая очередную сигарету. – Но если бы не мистер Мортенсон, могло быть намного хуже».

Мы дозаправились из ржавой бочки с помощью ручного насоса и полетели в долину Бралду, в деревню Корфе – последний населенный пункт перед ледником Балторо, который поднимается на К2. Дальше начинается горный массив восьмидесяти тысячников. Именно с ним связана история появления Грега Мортенсона в Пакистане. У подножия именно этих гор рядовой американец, выходец из Монтаны, начал свою удивительную работу.

В 1993 году после неудачной попытки совершить восхождение на К2 Мортенсон вернулся в Корфе совершенно обессиленный. Вечером он лег спать возле очага, который топили кизяком. Тогда он был обычным альпинистом-неудачником. А утром, когда гостеприимные хозяева поили его чаем с маслом, он стал человеком, осознавшим свою гуманитарную миссию и посвятившим ей всю оставшуюся жизнь. С тех пор в бедной деревне, среди глинобитных хижин, стала меняться жизнь и самого Мортенсона, и детей из Северного Пакистана.

В Корфе нас с Мортенсоном и Бангу встречали с распростертыми объятиями, преподнесли голову только что убитого горного козла и стали поить чаем. Мы слушали, как дети Корфе – одного из самых бедных районов мира – говорили о своих надеждах и планах на будущее. С тех пор как десять лет назад в их деревне появился большой американец и построил первую школу, жизнь этих детей заметно изменилась. Мы с генералом были растроганы.

«Знаете, – сказал мне Бангу, когда мы в сопровождении 120 учеников совершали экскурсию по школе, – летая с президентом Мушаррафом, я видел многих замечательных людей. Но мне кажется, Грег Мортенсон – самый выдающийся человек из всех, кого я когда-либо встречал».

Все, кому посчастливилось наблюдать за работой Грега Мортенсона в Пакистане, были поражены тем, насколько глубоко он знаком с жизнью одного из самых удаленных регионов мира. И многие, даже и против своей воли, оказывались втянутыми в орбиту притяжения этого человека. За последние десять лет после ряда неудач и несчастных случаев, которые превратили его из альпиниста в гуманитария, Мортенсон создал одну из самых квалифицированных и успешных благотворительных организаций в мире. Неграмотные носильщики, работавшие в пакистанском Каракоруме, бросали свою поклажу, чтобы работать вместе с

ним и дать своим детям образование, без которого пришлось обходиться им самим. Водитель такси, подвозивший Мортенсона в исламабадский аэропорт, продал машину и стал активным сотрудником его организации. Бывшие боевики движения Талибан после встречи с Мортенсоном забыли о насилии и угнетении женщин; вместе с ним они начали работать на строительстве школ для девочек. Мортенсон сумел завоевать уважение и снискать поддержку во всех слоях пакистанского общества, и даже в воинственных сектах ислама.

Объективные журналисты также не смогли не попасть в орбиту притяжения этого человека. Я трижды сопровождал Мортенсона в Северный Пакистан. На старых вертолетах, которым место в музее, мы летали в самые удаленные долины Каракорума и Гиндукуша. И чем больше времени я проводил, наблюдая за его работой, тем больше убеждался в том, что участвую в выдающихся событиях.

Мне рассказывали о том, как Мортенсон строил школы для девочек в удаленных горных районах Пакистана. Все это звучало настолько фантастически, что мне захотелось проверить услышанное, прежде чем вернуться домой. Эту историю мне излагали охотники на горных козлов в горных долинах Каракорума, в поселениях кочевников на границе с Афганистаном, за столами переговоров с пакистанской военной элитой, за бесконечными чашками чая в чайных, где было настолько дымно, что я с трудом мог вести записи. История, однако, оказалась еще более фантастической, чем я предполагал.

На протяжении двадцати лет я использовал свою журналистскую профессию для того, чтобы изучать жизнь разных людей. За эти годы я многократно сталкивался с фактами недоверия к журналистам. Но в Корфе и других пакистанских деревнях меня встречали, как близкого родственника – ибо Грег Мортенсон сумел завоевать доверие этих людей. Я понял, что последние десять лет его жизни были богаты необыкновенными событиями.

Надо сказать, что остаться простым наблюдателем мне не удалось. Любой из журналистов, кто побывал в какой-нибудь из пятидесяти трех школ, созданных Мортенсоном, раз и навсегда становился его сторонником. Достаточно провести ночь за разговорами с деревенскими старейшинами, обсудить новые проекты, попасть в класс, где восторженные восьмилетние девочки учатся пользоваться точилками для карандашей, или провести экспромтом урок английского языка для почтительно слушающих учеников – и остаться обычным репортером уже не удастся.

Как понял журналист Томас Фаулер, герой романа Грэма Грина «Тихий американец», иногда, чтобы остаться человеком, нужно принять чью-то сторону. Я принял сторону Грега Мортенсона. Не потому, что у него нет недостатков. За те два года, что мы работали над этой книгой, Мортенсон так часто опаздывал на наши встречи, что я уже подумывал отказаться от сотрудничества. Многие люди, особенно в Америке, перестали работать с Мортенсоном, сочтя его «ненадежным» или хуже того. Но со временем я понял справедливость слов его жены, Тары Бишоп: «Грег – не такой, как все». Он обладает странным чувством времени, из-за чего восстановить точную последовательность событий, описанных в этой книге, почти невозможно. В языке народности балти[1 - Балти – народность в Кашмире, исторической области в Азии (бассейн верхнего Инда). Часть Кашмира находится под контролем Пакистана. Балти живут в горной системе Каракорум, районах слияния рек Шьок, Шигар, Инд.], с которой он работает, нет категории времени. Эти люди с той же небрежностью относятся к течению дней, месяцев и лет, как и человек, которого они называют доктором Грегом. Мортенсон живет по Времени Мортенсона, которое сформировалось во времена его детства, проведенного в Африке, и работы в Пакистане. Ко всему этому он приглашает на работу людей без опыта, опираясь только на собственное чутье, делает странные и непривычные вещи – и сдвигает с места горы.

Для человека, которому удалось достичь так многого, Мортенсон обладает поразительной скромностью. Когда я согласился писать эту книгу, он протянул мне листок из блокнота с десятками имен и телефонных номеров. Это был список его врагов. «Поговорите со всеми этими людьми, – сказал Грег. – Пусть выскажутся. Мы получим интересные результаты. Это все, чего я хочу».

Я беседовал с сотнями союзников и врагов Мортенсона. В интересах безопасности и приватности я изменил некоторые имена и названия.

Работа над книгой шла в тесном сотрудничестве с Грегом: я писал историю, а он проживал ее. Вместе мы перебрали тысячи слайдов, пересмотрели кипы документов, множество видеозаписей, прослушали сотни интервью и побывали у людей, которые стали центральными героями этой необычной истории.

В Пакистане я выяснил, что Институт Центральной Азии, созданный Мортенсоном, добился потрясающих результатов. В той части света, где американцев, в лучшем случае, не понимают, а гораздо чаще боятся и

проклинают, этот спокойный альпинист из Монтаны сумел добиться несомненных успехов. Хотя сам он никогда об этом не скажет, но его работа изменила жизнь десятков тысяч детей. Ему удалось завоевать больше сердец и умов, чем всей официальной американской пропаганде.

И я должен признаться в следующем. Я не просто описываю работу Грега Мортенсона. Я мечтаю, чтобы у него все получилось. Я желаю ему успеха, потому что он борется с терроризмом именно так, как, по моему мнению, и нужно это делать. Носясь по так называемому Каракорумскому шоссе на своем старом «лендкрузере», подвергаясь огромному риску ради того, чтобы построить в регионе, где зародилось движение Талибан, школы. Мортенсон дает возможность детям получить нормальное образование, а не учиться в экстремистском медресе, где из них сделают убийц и террористов.

Если мы, американцы, хотим научиться чему-нибудь на собственных ошибках, если готовы осознать, насколько неэффективно мы ведем войну с террором после событий 11 сентября, а также понять, чем объясняется невозможность представить наши идеалы здравомыслящим людям в центре мусульманского мира, нужно прислушаться к Грегу Мортенсону. Я сделал это. И общение с ним стало одним из главных событий моей жизни.

Дэвид Оливер Релин,

Портленд, Орегон

Глава 1

Провал

Когда становится достаточно темно, можно увидеть звезды.

Персидская пословица

В пакистанском Каракоруме, на площади не более полутора сотен квадратных километров, расположены 60 высочайших гор планеты. Их заснеженные вершины гордо вздымаются над суетным миром. Только снежные барсы и горные козлы способны существовать в этом суровом ледяном мире. Вплоть до начала XX века вторая по высоте гора мира К2 оставалась легендой: о ее существовании догадывались, но точно не знали.

Путь с К2 к населенным районам верховий долины Инда проходит между четырьмя гранитными пиками Гашербрума I, Гашербрума II и смертельно опасными Башнями Транго. Добавьте к этому 62-километровый ледник Балторо – и получите грандиозный собор из камня и льда. Движение ледника, этой могучей ледяной реки, которая течет со скоростью десять сантиметров в сутки, остается практически незаметным.

* * *

2 сентября 1993 года Грег Мортенсон чувствовал, что он и сам движется не быстрее. Ему, одетому в потрепанный костюм пакистанского носильщика, казалось, что тяжелые кожаные альпинистские ботинки сами собой несут его по леднику Балторо мимо армады айсбергов, напоминавших паруса тысяч затертых во льдах кораблей.

Мортенсон искал члена своей экспедиции Скотта Дарсни, с которым спускался с гор. Он еще не понимал, что заблудился и остался в одиночестве. Верхняя часть Балторо – это не торная тропа, а настоящий лабиринт. Грег сошел с основной части ледника в сторону, но не на запад, к деревне Асколе, где его ждал водитель на джипе, а на юг, в запутанный лабиринт ледяных скал. Эта высокогорная зона была опасна еще и тем, что здесь постоянно происходили артиллерийские перестрелки между пакистанскими и индийскими солдатами.

Мортенсону следовало сконцентрироваться. Ему нужно было сосредоточиться на жизненно важной информации – например, на том, что носильщик Музафар пропал из виду. А ведь пакистанец нес все его снаряжение, палатку, почти всю пищу, и его нельзя выпускать из виду. Но Грег уделял гораздо больше внимания поразительной красоте вокруг.

В 1909 году один из величайших альпинистов своего времени и, пожалуй, главный ценитель суровых пейзажей, герцог Аbruцци, возглавил итальянскую

экспедицию на Балторо. Альпинисты хотели подняться на К2, но им это не удалось. Герцог был поражен суровым великолепием окружавших его пиков. «Ничто не могло сравниться с ними, – записал он в своем дневнике. – Это был мир ледников и ущелий, невероятная красота, которая поразила бы не только альпиниста, но и художника».

Но все-таки для Мортенсона восхищение красотой окружающего мира затмевалось другим, более тяжелым чувством. Когда солнце скрылось на западе за гранитными скалами башни Музтаг и на восточные горы близ серых монолитов Гашербрума легли глубокие тени, Грег этого почти не заметил. Он был погружен в глубокие раздумья, пораженный абсолютно незнакомым ему доселе чувством – чувством провала.

Сунув руку в карман, он нащупал янтарное ожерелье, которое носила его младшая сестра Криста. Родители Мортенсона были из Миннесоты, но выбрали для себя путь лютеранских миссионеров и учителей. Они уехали в Танзанию. Там в возрасте трех лет Криста заболела острым менингитом – и осталась инвалидом. Грег, который был на двенадцать лет ее старше, стал защитником сестры. Хотя Криста изо всех сил старалась сама справляться с простыми задачами, но даже на то, чтобы одеться, у нее уходило не меньше часа. У девочки часто случались жестокие эпилептические припадки. И все же Грег убедил мать обращаться с дочерью так, чтобы Криста чувствовала себя самостоятельной. Он помог сестре найти простую работу, научил пользоваться общественным транспортом. К ужасу матери, когда у Кристи появился друг, он даже и не подумал о каких бы то ни было запретах, а просто рассказал сестре о противозачаточных средствах.

Грег служил медиком в частях американской армии в Германии, учился в медицинском институте в Южной Дакоте, постигал основы нейрофизиологии в Индиане – в надежде найти лекарство для Кристи... Что бы ни происходило, где бы Грег ни находился, он всегда настаивал на том, чтобы младшая сестра на месяц приезжала к нему. Вместе они любовались тем, что доставляло Кристе удовольствие; ездили на автогонки, на скачки, в Диснейленд. Грег отвез сестру и в свой «личный собор» – показал ей гранитные скалы Йосемитской долины[2 - Йосемитская долина – долина реки Йосемити-Крик в США, штат Калифорния, Йосемитский национальный парк.].

Когда Кристе должен был исполниться двадцать один год, они с матерью решили поехать из Миннесоты в Айову, на кукурузное поле в Дайерсвилле, где

когда-то снимался любимый фильм девушки «Поле мечтаний». Криста готова была смотреть эту картину бесконечно. Но прямо в день рождения, за пару часов до отъезда, Криста умерла от сильнейшего приступа эпилепсии...

После смерти сестры Мортенсон забрал только ее ожерелье. Оно все еще пахло костром, который они разводили во время ее последнего приезда к нему в Калифорнию. Грег взял ожерелье с собой в Пакистан и завернул его в тибетский молельный платок, собираясь почтить ее память. Он был альпинистом, поэтому решил отдать сестре последние почести самым значимым для себя способом. Он решил подняться на К2 – самую сложную для восхождения гору Земли. Ожерелье Кристи должно было остаться там, на высоте 8611 метров.

Грег вырос в семье, где умели справляться со сложными задачами. (Его родители построили школу и больницу в Танзании, на склонах горы Килиманджаро; детство Грега прошло в Восточной Африке.) Тремя месяцами раньше Мортенсон спокойно прошел по леднику Балторо в сандалиях без носков, неся за спиной сорокакилограммовый рюкзак. Грег пришел сюда ради величайшего подвига своей жизни. 110-километровый путь из Асколе он проделал в обществе десяти английских, ирландских, французских и американских альпинистов. Денег у этих людей было мало, но стремление покорить вторую по высоте гору мира было почти патологическим.

В отличие от Эвереста, расположенного в тысяче шестистах километрах юго-восточнее, К2 пользуется репутацией горы-убийцы. Восхождение на нее – самое сложное испытание для любого альпиниста; К2 – настоящая пирамида острых гранитных скал, настолько крутых, что снег не задерживается на их острых вершинах. Мортенсону было тридцать пять лет. В одиннадцать лет он уже покорил Килиманджаро; много тренировался на крутых гранитных скалах Йосемита[3 - Йосемит – национальный парк США, штат Калифорния.], совершил полдесятка успешных восхождений в Гималаях. Грег не сомневался в том, что очень скоро будет стоять на вершине «самой большой и ужасной горы на Земле».

И вот сегодня он почти достиг цели. Мортенсон подобрался к вершине очень близко. Оставалось всего 600 метров. Но К2 скрылась в тумане за его спиной, а ожерелье все еще лежало в кармане. Как такое могло случиться?! Он вытер глаза рукавом, растерявшись от неожиданных слез, и постарался успокоиться. Он чувствовал себя странно. После семидесяти восьми дней неустанной борьбы с высотой на К2 он казался себе жалкой карикатурой на самого себя. Он даже не

знал, хватит ли ему сил пройти еще восемьдесят километров до Асколе.

Резкий треск, похожий на ружейный выстрел, вернул его к действительности. Грег увидел, как по склону горы мимо него несется валун размером с трехэтажный дом, как он ускоряется и вдребезги разносит гигантский айсберг, оказавшийся на пути.

Мортенсон собрался с силами. Он осмотрелся, оценил, как высоко поднялись тени на восточных пиках, и постарался вспомнить, сколько времени прошло с того момента, когда он видел людей. Прошло несколько часов с тех пор, как Скотт Дарсни исчез. Часом раньше Грег слышал колокольчики мулов армейского каравана, доставлявшего боеприпасы на ледник Сиачен. Там, на высоте шесть тысяч метров, развернулось настоящее поле боя: пакистанцы вели непрекращающуюся войну с индийской армией.

Он стал искать следы. На тропе, ведущей в Асколе, должны были остаться следы, оставленные военными. Но ничто не указывало на то, что здесь побывали мулы. Не было ни окурков, ни консервных банок, ни сена, которым погонщики кормили животных. Мортенсон вдруг понял, что эта местность – не тропа. Он оказался в расщелине, среди лабиринта валунов и льда. Грег попытался сосредоточиться. Но длительное пребывание на большой высоте лишило его способности решительно мыслить и действовать.

Целый час он карабкался по крутому склону, надеясь найти площадку над валунами и айсбергами, откуда можно было бы увидеть гигантский скалистый хребет Урдукас, который врезался в Балторо, как гигантский кулак. Оттуда можно было вернуться обратно на тропу. Но с вершины он не увидел ничего, зато лишился последних сил. В сумерках даже хорошо известные пики казались совершенно незнакомыми.

Ощувив приближение паники, Мортенсон присел на камень, чтобы собраться с мыслями. В его маленьком фиолетовом рюкзаке было легкое шерстяное армейское одеяло, пустая бутылка из-под воды и протеиновый батончик. Высокогорный спальный мешок, теплая одежда, палатка, печка, продукты, фонарик и все спички остались в рюкзаке исчезнувшего носильщика Музафара.

Нужно было переночевать и начать поиски тропы при дневном свете. Хотя температура уже упала ниже нуля, он не боялся замерзнуть. К тому же он

понимал, что брести ночью по движущемуся леднику, трещины в котором достигали глубины более сотни метров и вели в подземные озера, смерти подобно. Спустившись со склона, Мортенсон стал выбирать место для ночлега. Нужно было найти прочный лед, который не треснул бы под ним и не увлек в пропасть. И подальше от стены, чтобы во сне его не завалило камнями.

Бывалый альпинист нашел плоскую каменную плиту, которая казалась достаточно прочной, снял перчатки и наскреб льдистого снега в бутылку. А затем завернулся в одеяло и постарался не думать о том, как он слаб и одинок посреди ледяной пустыни. Рука горела от ожогов, оставленных веревкой. Он знал, что нужно снять промокшие повязки и просушить раны, которые не заживали на такой высоте, но не мог найти сил. Грег просто лежал и дрожал на неровном камне. И наблюдал за тем, как последние лучи солнца гаснут на зубчатых пиках на востоке – и исчезают, оставляя после себя лишь отблески на иссиня-черном небе.

За сто лет до этого врач и летописец экспедиции в Каракорум герцога Абруцци, Филиппо де Филиппи, описывал чувство одиночества, которое охватило его среди этих гор. Несмотря на то что рядом с ним было два десятка европейцев и 260 местных носильщиков; несмотря на то что члены экспедиции отдыхали на складных креслах и пользовались серебряными чайными сервизами; несмотря на то что им регулярно доставляли европейские газеты – он чувствовал себя ничтожеством рядом с величественными горами. «Полная тишина охватывала всю долину, – писал он, – и эта тишина давила непередаваемой тяжестью. Нет другого места в мире, где человек чувствовал бы себя настолько одиноким, заброшенным, полностью безразличным природе, совершенно неспособным вступить с ней в союз».

Возможно, Мортенсону помогли воспоминания о собственном одиночестве, когда он был единственным американским мальчишкой среди сотен африканцев или когда проводил ночи на почти километровой высоте во время многодневного подъема в Йосемите. Так или иначе, Грег почувствовал облегчение. Если спросить, почему это произошло, он спишет все на помрачение рассудка, вызванное длительным пребыванием на большой высоте. Но любой, кто хоть раз бывал в его обществе, поймет: перипетии той ночи в очередной раз показали твердость и негибаемость этого человека.

Ветер усилился, ночь стала по-настоящему морозной. Грег пытался смотреть на пики, зловеще нависшие над головой, но не мог рассмотреть их в полной

темноте. Проведя час под одеялом, он растопил замерзший протеиновый батончик и немного ледяной воды. Конечно, ни о каком сне не могло быть и речи. Мортенсон лежал под звездами, усеявшими небо, и анализировал причины своего провала...

* * *

Руководители его экспедиции, Дэн Мазур и Джонатан Пратт, а также французский альпинист Этьен Фин были первоклассными скалолазами, двигались быстро и грациозно. Мортенсон же был медлителен, зато помедвежьи силен. При росте метр и девяносто сантиметров и весе 95 килограммов он считался ведущим игроком в футбольной команде колледжа Конкордия в Миннесоте.

Хотя никто не принимал такого решения, но медленная, напряженная работа по подъему снаряжения и съестных запасов естественным образом легла на плечи Мортенсона и Дарсни. Восемь раз Мортенсон исполнял обязанности вьючного мула: нес продукты, горючее и баллоны с кислородом по пути к Японскому кулуару; вырубал укрытие для припасов за шестьсот метров от вершины, чтобы альпинисты могли штурмовать пик налегке.

Все остальные экспедиции в том сезоне предпочли традиционный маршрут – юго-восточное ребро Абруцци. И только команда Мортенсона пошла по смертельно сложному западному ребру. До них по этому маршруту удалось пройти лишь однажды, двенадцать лет назад. Этот подъем совершил японский альпинист Эйхо Отани и его пакистанский напарник Назир Сабир.

Мортенсон отлично понимал всю сложность маршрута и гордился тем, что выбран именно этот путь. Каждый раз, когда альпинисты брали очередное препятствие, поднимались все выше по западному ребру, опустошали канистры с горючим и разматывали веревки, он чувствовал, что становится сильнее. Казалось, они обязательно достигнут вершины.

Однажды вечером после более семидесяти дней подъема Мортенсон и Дарсни спустились в базовый лагерь, чтобы поспать после девяноста шести часов непрерывного подъема со снаряжением и припасами. Бросив последний взгляд на вершину через телескоп, они неожиданно заметили мерцающий свет на западном ребре К2 и поняли, что это сигналы членов экспедиции. Мортенсон и

Дарсни решили, что у француза Этьена Фина возникли проблемы. «Этьен был слишком темпераментным альпинистом, – объясняет Мортенсон, подчеркивая французское происхождение последнего слова. – Он поднимался быстро и легко с абсолютным минимумом снаряжения. Нам приходилось его придерживать, когда он устремлялся вперед слишком быстро, не думая об акклиматизации».

Мортенсон и Дарсни сомневались, что смогут подняться к Мазуру, Пратту и Фину после утомительного спуска. Они обратились к пяти другим экспедициям, находившимся в базовом лагере. Добровольцев оказать помощь не нашлось. Два часа альпинисты лежали в палатках, отдыхая и восстанавливая водный баланс, затем собрали снаряжение и двинулись вперед.

Потом Джонатан Пратт и Дэн Мазур рассказывали Мортенсону: «Этьен поднялся в лагерь IV на отметку 7600 метров, чтобы присоединиться к нам и вместе штурмовать вершину. Но когда он дошел до лагеря, потерял сознание. Он пытался дышать и говорил нам, что слышит хрипы в собственных легких».

У Фина начался отек легких, связанный с пребыванием в разреженном воздухе на большой высоте. Если немедленно не эвакуировать человека в таком состоянии, он погибнет. «Это было ужасно, – вспоминал Мазур. – Из рта Этьена шла розовая пена. Мы пытались вызвать помощь, но уронили рацию в снег, и она перестала работать. Было принято решение двигаться вниз».

Пратт и Мазур закрепили снаряжение Фина и начали спускать его по самым крутым зубьям западного ребра. «Это было все равно что тащить большой мешок картошки, – говорил Мазур. – И мы должны были следить за временем, чтобы не погибнуть».

С присущей ему скромностью Мортенсон мало рассказывает о тех двадцати четырех часах, которые потребовались, чтобы добраться до товарищей. Он просто говорит, что это было «довольно тяжело». «Настоящие герои – это Дэн и Джонатан, – замечает он. – Они пожертвовали вершиной, чтобы спасти Этьена».

К тому моменту, когда Мортенсон и Дарсни встретили своих товарищей на скале возле промежуточного лагеря, Фин то терял сознание, то вновь приходил в себя. У него начался отек мозга. Мортенсон в свое время работал внештатным сотрудником травматологического отделения «Скорой помощи». Он сделал Фину укол, чтобы снять отек, и четыре измученных альпиниста начали

сорокавосьмичасовую одиссею по спуску товарища с крутой скалы.

Иногда Фин, свободно владевший английским, начинал бредить по-французски. В самых сложных местах в нем просыпался чисто альпинистский инстинкт самосохранения: он пристегивал карабин к веревке, затем снова терял сознание.

Через семьдесят два часа после встречи с Мортенсоном и Дарсни группа спустила Фина в базовый лагерь. Дарсни связался с канадской экспедицией, находившейся ниже, а те передали пакистанским военным просьбу выслать спасательный высотный вертолет «лама». Но те ответили, что погода и слишком сильный ветер не позволяют машине взлететь. Фина нужно было спускать еще ниже.

Это стало новой проблемой. Четверо мужчин дошли до последней, животной степени утомления, но все же изо всех сил пытались спасти товарища. Запаквав Фина в спальный мешок, они шесть часов прокладывали смертельно опасный путь по леднику Савоя, общаясь только невнятными звуками и жестами. «Порой мы были настолько утомлены и обессилены, что могли лишь ползти», – вспоминает Мортенсон.

Наконец группа достигла базового лагеря К2. Фина они тащили за собой в спальном мешке. «Все альпинисты выстроились на леднике, чтобы приветствовать нас. Нас встречали как героев, – рассказывает Мортенсон. – Когда пакистанский вертолет забрал Этьена (впоследствии стало известно, что Фин лишился всех пальцев на ногах), канадская экспедиция устроила торжественный ужин. Начался настоящий праздник. Но мы с Дарсни не могли ни есть, ни пить; просто рухнули в спальные мешки, как подкошенные».

Два дня Мортенсон и Дарсни то засыпали, то просыпались. Длительное пребывание на такой большой высоте не проходит даром даже для отлично тренированных людей. Ветер, завывавший вокруг их палаток, раскачивал металлические тарелки, на которых были выгравированы имена сорока восьми альпинистов, погибших на К2. Эти тарелки развесили на мемориале Арта Гилки, американского альпиниста, который погиб здесь в 1953 году.

Окончательно проснувшись, Мортенсон и Дарсни нашли записку от Пратта и Мазура. Они вернулись в верхний лагерь и приглашали товарищей присоединиться к ним в штурме вершины, когда появятся силы. Но силы не

появились. Спасательная экспедиция лишила альпинистов остатков энергии.

Когда они наконец выбрались из палатки, оба еле передвигали ноги. Спасение Этьена далось слишком дорого. Через неделю Мазур и Пратт сообщили миру о том, что достигли пика – и вернулись домой со славой. Но в том сезоне увеличилось количество металлических мемориальных тарелок – четверо из шестнадцати альпинистов погибли во время спуска.

Мортенсон был так слаб, что стал серьезно опасаться: как бы на одной из таких тарелок не появилось и его имя. О том же думал и Дарсни. В конце концов друзья оставили надежду покорить вершину, к которой так стремились. Они решили вернуться к цивилизации...

* * *

Черная ледяная ночь казалась бесконечной. Зablудившийся, перенесший испытания тяжелейшего спасательного рейда, Грег ворочался на небольшой каменной плите, кутался в одеяло и мучительно пытался устроиться поудобнее. При его росте никак не удавалось улечься так, чтобы голова или ноги не свисали с неудобного ложа. На горе он потерял в весе четырнадцать килограмм; и теперь, как бы ни поворачивался, голый камень жестоко давил на исхудавшее, измученное тело. То приходя в себя, то теряя сознание, он слушал ворчание таинственного внутреннего механизма ледника. Грег уже смирился с тем, что не смог почтить память Кристи. Его подвело тело, а не дух. Да, у каждого есть свой предел...

Впервые в жизни Грег Мортенсон дошел до этого предела.

Глава 2

Не тот берег реки

Что будущую занят ты судьбой,

Терзаешься бессмысленной борьбой?

Живи беспечно, весело. Вначале

Не посоветовались ведь с тобой.

Омар Хайям, «Рубайат»

Мортенсон открыл глаза. Рассвет был необыкновенно, фантастически тихим. Грег высвободил руки из тугого кокона одеяла, с трудом поднес их к лицу. Он лежал на голом камне, рот и нос покрылись коркой льда. Грег стряхнул лед и сделал первый глубокий вдох. Затем сел и засмеялся: он проспал довольно долго – и полностью потерял чувство реальности.

Мортенсон потянулся, пытаясь вернуть чувствительность онемевшим конечностям. Острые камушки отпечатались на теле. Осмотрелся. Горы окрасились в яркие, сочные тона: розовые, фиолетовые, голубые. Ветра не было. Небо перед рассветом выглядело абсолютно ясным. Осознание своего положения вернулось к Грегу вместе с чувствительностью конечностей. Он по-прежнему был один. Он заблудился. Но это больше его не беспокоило. Утро все расставило по своим местам. Оглянувшись на бесконечную долину, откуда пришел, он сразу понял, что ему не вернуться обратно на тропу, даже если несколько часов идти в обратном направлении.

Высоко над ледником кружил орел. Его большие черные крылья четко выделялись на фоне заснеженных гор. Непослушными от холода руками Мортенсон сложил одеяло, спрятал его в свой маленький фиолетовый рюкзак и попытался открыть бутылку с водой. Но потом спрятал ее и сказал себе, что напьется, как только согреются руки. Орел, увидев, что Мортенсон шевелится, разочарованно полетел дальше в поисках другой жертвы.

Грег двинулся на север, спотыкаясь о валуны, перепрыгивая только самые узкие трещины – ноги все еще не слушались. Вспомнилась песня из африканского детства. Тогда он часто пел ее при ходьбе: «Yesu ni refiki Yangu, Ah kayee Mbinguni» («У нас есть настоящий друг, Иисус, он живет на небесах»). Мортенсон пел на суахили. На этом языке говорили в церкви, откуда была видна гора Килиманджаро и где каждое воскресенье проходили службы. Он не обращал внимания на необычность происходящего: американец заблудился в Пакистане и поет немецкий религиозный гимн на суахили. Среди лунного ландшафта, среди валунов и голубого льда, там, где камешки, отброшенные ударом ноги, исчезали в трещинах и через секунды падали в подземные реки – старая мелодия

пробудила в нем чувство ностальгии. Это был привет из страны, которую он когда-то называл своим домом.

Прошел час. Потом второй. По крутой тропе Мортенсон выбрался из ущелья, по которому шел. Здесь он упал на четвереньки и стоял так, пока поднявшееся солнце не осветило всю долину. И тогда его что-то словно ударило: открывшаяся панорама буквально ослепила. Гашербрум, Броуд-пик, Митр-пик, башня Музтаг – заледеневшие гиганты, купавшиеся в лучах утреннего солнца, пылали, как гигантские костры.

Известный фотограф Гален Роуэлл, который в 2002 году погиб в авиационной катастрофе, долгие годы провел, пытаясь запечатлеть ускользающую красоту гор, окружающих ледник Балторо. Его фотографии поражали воображение, но Роуэллу всегда казалось, что они не могут сравниться с теми ощущениями, которые он испытывал, просто находясь здесь и ощущая свое ничтожество перед заснеженными колоссами. Роуэлл считал это место самым прекрасным на земле, «тронным залом горных богов».

Хотя Мортенсон уже провел в горах несколько месяцев, он упивался окружающей красотой так, словно никогда прежде не видел ничего подобного. «Так никогда не было, – объясняет он. – Все лето я смотрел на эти горы как на цель, полностью сосредоточившись на самой высокой – К2. Я думал об их высоте, о технических трудностях при подъеме. Я мыслил как альпинист. Но тем утром я впервые просто увидел их. Это было потрясюще».

Архитектурное совершенство гор – широкие откосы и настоящие крепости из красновато-охристого гранита, гармонично завершенные острыми заснеженными пиками, – подействовало на него неожиданным образом. Оно ободрило, укрепило дух. Мортенсон сел на камень и стал пить, пока бутылка не опустела. Несмотря на слабость, отсутствие пищи и теплой одежды, несмотря на четкое понимание того, что, если он быстро не выйдет к людям, шансы на выживание ничтожно малы, Мортенсон теперь ощущал странную уверенность. Он наполнил бутылку под стружкой воды, стекающей с ледника, сделал глоток – и содрогнулся от ледяного холода. «Спокойно, – сказал он себе. – Голод станет проблемой лишь через несколько дней, но пить нужно обязательно».

Ближе к полудню послышался легкий звон колокольчиков где-то на западе. Там шел караван, лежала главная тропа по Балторо! Он стал искать каменные вешки, отмечавшие тропу, но увидел только разбросанные камни. Перебравшись

через крутую осыпь на краю ледника, Грег неожиданно оказался перед стеной высотой в полтора километра, она полностью преграждала путь. Мортенсон понял, что перешел тропу, не заметив ее, поэтому пришлось вернуться прежним путем, полностью сосредоточившись на поиске следов. Любоваться горами было нельзя. Через полчаса он нашел окурочек, потом каменную вешку. И пошел по еле заметной дорожке туда, откуда все четче слышался звон колокольчиков.

Каравана он не видел. Но примерно через полтора километра заметил человека, стоявшего на огромном валуне где-то над ледником. Силуэт четко вырисовывался на фоне неба. Мортенсон закричал, но его голос был слишком слабым. Человек исчез, потом появился на другом валуне, ярдов на сто ближе. Мортенсон закричал изо всех сил, и на этот раз человек повернулся к нему, потом быстро спустился и исчез из виду. Посреди огромных валунов в самом центре ледника увидеть Мортенсона в его пыльной, выгоревшей одежде было невозможно. Но он мог кричать, и его могли услышать.

Бежать Грег не мог, поэтому побрел в направлении того места, где видел человека. Каждые несколько минут кричал, и звук собственного надтреснутого голоса каждый раз изумлял его. Наконец он увидел человека, стоявшего на другой стороне широкой трещины. Тот широко улыбался. Это был Музафар, носильщик, которого Грег нанял для того, чтобы добраться со своим багажом до цивилизации. Музафар нашел самую узкую часть трещины и с легкостью перепрыгнул через нее – несмотря на то, что за его плечами был груз более 40 килограмм.

«Мистер Гирег! Мистер Гирег! – закричал он, обнимая Мортенсона медвежьей хваткой. – Аллах Акбар! Благословение Аллаху, вы живы!»

Мортенсон неловко высвободился. Хотя проводник был на голову его ниже и лет на двадцать старше, его объятия буквально лишили Грега способности дышать.

Музафар радостно ударил Мортенсона по спине. То ли от этого, то ли от пыли, взлетевшей от одежды, Мортенсон начал кашлять и долго не мог остановиться.

«Чаю, мистер Гирег! – предложил Музафар, явно обеспокоенный состоянием Мортенсона. – Чай придаст вам сил!»

Проводник привел Мортенсона в небольшую пещеру, где можно было укрыться от ветра. Он оторвал от большого пучка полыни, прицепленного к рюкзаку, несколько веток, порылся в карманах своей огромной выцветшей куртки «Гортекс» (подарок одной из бесчисленных экспедиций, которые он вел по Балторо), достал кремь и металлический чайник и уселся готовить чай.

* * *

Впервые Мортенсон познакомился с Музафаром Али через четыре часа после того, как вместе с Дарсни спустился с К2. От базового лагеря на Броуд-пике их отделяло меньше пяти километров. Раньше они покрывали такое расстояние за сорок пять минут – когда ходили на Броуд-пик в гости к красивой мексиканской альпинистке, которую Дарсни все лето пытался соблазнить. После спуска с К2 они четыре часа шли, волоча непослушные ноги и таща немислимый по тяжести груз.

Тогда Музафар и его друг Якуб только что закончили работу с мексиканской экспедицией и теперь налегке возвращались домой через Балторо. За четыре доллара в день они предложили донести тяжелые рюкзаки Мортенсона и Дарсни до Асколе. Американцы с радостью согласились. Хотя в наличии оставались последние рупии, они собирались более щедро вознаградить своих проводников, спустившись с гор.

Музафар принадлежал к народности балти. Эти горцы живут в самых суровых высокогорных долинах Северного Пакистана. Более шестисот лет назад балти пришли сюда с юго-запада, с Тибета, через перевал Ладакх. Непреступные горные перевалы стали тяжелым испытанием для буддистов, и буддизм уступил место религии, более подходящей для их новой родины. Такой религией стал шиитский ислам[4 - Шиитский ислам – одно из двух (наряду с суннитским исламом) основных направлений в мусульманстве.]. Но балти сохранили свой язык – древнетибетский. Этот маленький народ сумел отлично приспособиться к жизни на такой высоте, на которую не каждый человек рискнет подняться даже на короткое время. Физически балти напоминали альпинистов, покоряющих горы Балтистана, и своих дальних сородичей – непальских шерпов[5 - Шерпы – народ на востоке Непала и в соседних районах Индии. Буддисты.]. Балти – люди недоверчивые, с подозрением относящиеся к чужакам; кроме того, исповедуют мусульманство. Неудивительно, что европейцы воспринимают их совсем не так, как буддистов-шерпов.

Балти произвели глубочайшее впечатление на Фоско Мараини, члена итальянской экспедиции 1958 года, которая совершила первое восхождение на Гашербрум IV, скалистого соседа К2. Написанная им книга «Каракорум: восхождение на Гашербрум IV» читается скорее как этнографический трактат о жизни балти, чем как воспоминания об альпинистском триумфе. «Они способны запугать и подавить человека. Мало того, что от них частенько исходит отвратительный запах, в них безошибочно распознаешь разбойников, – писал Мараини. – Но если вам удастся расположить их к себе, вы поймете, что они умеют хранить верность и обладают огромным мужеством. Физически они очень сильны, умеют преодолевать трудности и усталость. Эти маленькие мужчины с тонкими, как у аистов, ногами день за днем тащат на плечах груз в сорок килограммов по таким тропам, на какие европейец не ступит даже без всякого груза прежде, чем десять раз подумает».

* * *

Музафар согнулся в углу пещеры, раздувая костер. Огонь разгорелся, стало светлее. Пакистанец был по-своему привлекателен, хотя отсутствие нескольких зубов и выдубленная ветром и солнцем кожа делали его старше, чем было на самом деле. Он приготовил чай с маслом – напиток, который составлял основу ежедневного рациона балти. Делал он это так. Сначала заварил в закопченном металлическом чайнике зеленый чай, добавил соли, соды и козьего молока, а потом осторожно бросил в чайник ломтик мара – прогорклого масла из молока яка, такое масло у балти считается деликатесом. Затем размешал напиток весьма просто: не очень чистым указательным пальцем.

Мортенсон посматривал на эти приготовления довольно нервно. Запах такого чая он знал давно: почувствовал его сразу, как только прибыл в Балтистан. И говорил, что этот напиток «более вонючий, чем самый страшный сыр, изобретенный французами». Теперь же поспешно изобретал все возможные причины, лишь бы уклониться от угощения.

Музафар протянул ему закопченную кружку.

Мортенсона замутило, но его организм требовал соли и тепла, поэтому он все же выпил. Музафар снова наполнил кружку. Потом еще раз.

«Zindabad! Хорошо, мистер Гирег!» – сказал Музафар после третьей кружки, дружески похлопав Мортенсона по плечу, отчего в воздух поднялась туча пыли.

Дарсни ушел в Асколи с Якубом. Спустя некоторое время Мортенсон и Музафар направились вслед за ними. Они шли по Балторо еще три дня, и все это время проводник не выпускал американца из виду. Грег по-прежнему практически не различал тропы, но Музафар шел по ней уверенно, словно по Бродвею. Проводник держал Мортенсона за руку или требовал, чтобы он шел за ним след в след, и Грег неотрывно следил за движением дешевых пластиковых китайских спортивных ботинок, которые Музафар носил без носков. Как правоверный мусульманин, Музафар пять раз в день совершал намаз, но даже в это время он порой отвлекался, чтобы убедиться, что Мортенсон рядом.

Этим путешествием Грег воспользовался для того, чтобы учить язык балти. У проводника он спрашивал названия всего, что попадалось по пути. Ледник назывался «gangs-zhing», лавина – «rdo-rut». Для камня в языке балти было столько же слов, сколько у эскимосов для снега. Плоский камень, на котором можно спать или готовить, называли «brak-ler». Острый, подходящий для проделывания отверстий, – «khrok». А маленькие круглые камешки именовались «khodos». Их нагревали в костре, а потом оборачивали тестом. Женщины балти каждое утро таким образом пекли пресный хлеб. Мортенсон обладал хорошими лингвистическими способностями, поэтому язык балти давался ему без труда.

Преодолев узкое ущелье, наконец ступили на твердую землю. Выступ ледника Балторо лежал на дне каньона – почерневший от грязи и напоминавший нос «Боинга-747». Из-под него, подобно реактивным струям, вырывались подземные реки, которые на протяжении шестидесяти двух километров текли под толстым слоем льда и снега. Пенистые бурные потоки были верховьями реки Бралду. Пятью годами позже шведский спортсмен прибыл сюда со съемочной группой. Он хотел пройти на байдарке по реке Бралду до Инда и дальше, в Аравийское море. Через несколько минут после спуска байдарки на воду спортсмен погиб – первобытная сила реки перевернула лодку, и швед разбился о камни.

В каньоне Мортенсон в первый раз за последние несколько месяцев увидел цветок – пятилепестковый розовый шиповник. Он упал на колени, чтобы полюбоваться им. Цветок стал символом возвращения из края вечной зимы. Вдоль берега реки росли тростник и полынь. Грег смотрел на них, и его охватывало ощущение настоящей жизни, хотя в скалистом ущелье растительность была более чем скромной. Осенний воздух на высоте трех с

половиной тысяч метров казался роскошным. Мортенсон дышал полной грудью и наслаждался. Он забыл, что так бывает.

Теперь, когда опасности Балторо остались позади, Музафар каждый вечер уходил вперед, разбивал лагерь и готовил ужин к приходу Грега. Мортенсон даже здесь ухитрился заблудиться, попав на развилку дорог, одна из которых вела на летнее пастбище. К счастью, он быстро сориентировался, вернулся к реке и вышел на дымок лагеря Музафара. Ноги по-прежнему слушались плохо, но Грег упорно шел вперед, часто останавливаясь для отдыха.

На седьмой день после спуска с К2 Мортенсон увидел деревья – на южном берегу ущелья реки Бралду. Пять тополей сгибались под сильным ветром. Они напоминали приветственный взмах руки друга. Деревья росли рядком – их посадил человек. Стало ясно, что здесь кончается жестокая сила Каракорума, которая посылает лавины из снега и камней, способные смести со своего пути любое живое существо. Увидев тополя, Мортенсон понял, что выжил.

Засмотревшись на деревья, он опять, как и несколько дней назад, пропустил развилку. Главная тропа шла к реке и дальше – к веревочному мосту, «zamba». (Впрочем, мостом эти веревки из шерсти яка, натянутые между двумя валунами, можно было назвать с большой натяжкой.) Перейдя через мост, Грег прибыл бы в деревню Асколи. Она располагалась на северном берегу реки, в тринадцати километрах от «zamba». Но Мортенсон заблудился во второй раз и остался на гребне, на южном берегу. Он пошел к деревьям.

За тополями начались абрикосовые сады. Здесь, на высоте три тысячи километров, к середине сентября урожай уже собрали. Груды спелых фруктов лежали в сотнях плоских плетеных корзин. Яркие абрикосы буквально светились на фоне зеленых листьев. Между корзинами на коленях ползали женщины. Они доставали косточки из плодов. Увидев Мортенсона, женщины закрыли лица платками и бросились бежать от странного белого человека.

Дети оказались смелее. Грег шел по бурым полям в сопровождении целой свиты малышей и подростков, а женщины издали наблюдали за ним. Дети указывали пальцами на его одежду, рассматривали запястья в поисках часов, которых не было, и смело хватили незнакомца за руки.

Впервые за много месяцев Мортенсон подумал о том, как выглядит. Длинные волосы спутались, он чувствовал себя огромным и грязным. «К тому времени прошло уже больше трех месяцев с того момента, как я принимал душ», – вспоминает он. Ему показалось, что он может напугать детей. Но они не боялись. Их одежда была такой же грязной и рваной, как и у него. Несмотря на холод, многие бегали босиком.

Воздух деревни Корфе Мортенсон почувствовал за километр. Запах можжевелевого дыма и немытого человеческого тела после стерильного горного воздуха был невыносим. Думая, что все еще находится на верном пути, Мортенсон решил, что подходит к Асколе, откуда три месяца назад отправился штурмовать К2. Но все вокруг казалось незнакомым. Он подошел к церемониальным воротам деревни – простой деревянной арке, стоящей на краю картофельного поля. К этому времени его уже сопровождало около пятидесяти мальчишек.

Мортенсон осмотрелся, надеясь увидеть Музафара. Но увидел только пожилого человека в шерстяной шапочке топи, такой же серой, как и его борода. Тот ждал Грега за воротами. Черты его лица были настолько резкими, что казались вырубленными из камня. Старика звали Хаджи Али. Он был вождем Корфе, «*nurmadhar*» на местном наречии.

«Ассалам алейкум», – произнес Хаджи Али, пожимая руку Мортенсона. Он торжественно провел гостя через ворота. Закон гостеприимства балти соблюдали свято. Сначала Али подвел Грега к церемониальному источнику, где следовало вымыть руки и лицо, затем пригласил к себе домой.

Корфе находилась на горном уступе в 250 метрах над уровнем реки Бралду. Эта своеобразная «полка» напоминала платформу альпиниста, подвешенную на отвесной скале. На ней теснились квадратные трехэтажные каменные домики безо всяких украшений. Они почти слились бы со стенами каньона, если бы на их плоских крышах не сушились абрикосы, лук и пшеница.

Хаджи Али привел Мортенсона в дом, который ничем не отличался от остальных. Он быстро убрал постельные принадлежности (при этом пыль из них распространилась по всей комнате), разложил подушки рядом с очагом и пригласил Мортенсона садиться.

Пока готовился чай, хозяин и гость молчали. Слышались только шаги и шорох подушек: двадцать мужчин из большой семьи Хаджи Али входили и занимали свои места у очага. Едкий дым ячьего навоза уходил в большое квадратное отверстие в потолке. Мортенсон заметил, что дети, которые провожали его в деревню, заглядывают в это отверстие. Судя по всему, они расположились на крыше. До этого в Корфе ни разу не было иностранцев.

Хаджи Али сунул руку в карман своего расшитого жилета, вытащил куски вяленого мяса горного козла и энергично размял их с листьями крепкого жевательного табака «*paswar*». Затем предложил кусочек Мортенсону. Под доброжелательными взглядами десятков зрителей тот сумел справиться с одной из самых сложных задач в своей жизни. А когда хозяин предложил Грегу чашку чая с маслом, тот выпил ее почти с удовольствием.

Наконец, ритуал гостеприимства был исполнен. Вождь наклонился вперед, и его бородатое лицо оказалось прямо перед лицом Мортенсона. «*Cheezaley?*» – рявкнул он. Это непередаваемое с балти слово означает что-то вроде «какого черта?». Пользуясь известными ему словами и массой жестов, Грег объяснил собравшимся, что он американец, что пытался покорить К2 (это заявление было воспринято одобрительно). Сказал, что ослаб и болен и теперь идет в Асколе, где его ждет джип, который отвезет его в столицу Балтистана, Скарду.

Исчерпав последние силы, Мортенсон откинулся на подушки. Бесконечный путь и попытки изложить свою историю окончательно его измотали. Мягкие подушки, тепло от очага, множество людей... Мортенсон почувствовал такую усталость, что, казалось, сейчас заснет прямо здесь.

«*Met Askole* (не Асколе), – со смехом сказал Хаджи Али и указал пальцем себе под ноги. – Корфе».

Мортенсон подскочил. Он никогда не слышал о Корфе и был уверен, что не видел этого названия ни на одной карте Каракорума, хотя, готовясь к экспедиции, изучил их немало. Волнуясь, объяснил, что ему нужно добраться до Асколе и встретиться там с человеком по имени Музафар, у которого остались его вещи.

Хаджи Али обхватил гостя за плечи и силой усадил обратно на подушки. Он обратился к своему сыну Туаа, который частенько бывал в Скарду и немного

знал английский. Тот перевел: «Сегодня идти в Асколе невозможно. Большая проблема. Полтора дня пути. Завтра Хаджи пошлет искать Музафар. Теперь ты спать».

Хозяин поднялся и прогнал детей, которые все еще заглядывали в комнату с крыши. Мужчины разошлись по домам. Несмотря на тревогу, гнев на самого себя, ощущение полной беспомощности, Грег Мортенсон повалился на подушки и мгновенно заснул.

Глава 3

«Прогресс и совершенство»

«Скажи нам, если бы существовало что-то одно, что мы могли бы сделать для твоей деревни, что бы это было?»

«Со всем уважением к тебе, сахиб, скажу, что вам нечему учить нас в силе и выносливости. И мы не завидуем вашему мужеству. Может быть, мы счастливее вас? Но нам хотелось бы, чтобы наши дети ходили в школу. Из всего, что у вас есть, мы хотели бы получить только образование для наших детей».

Разговор сэра Эдмунда Хиллари с шерпом Уркиеном из «Школы под облаками»

Кто-то накрыл его тяжелым одеялом. Грег отогрелся и почувствовал настоящее блаженство. Впервые с конца весны он ночевал в доме. В тусклом свете углей в очаге Мортенсон видел очертания спящих людей. Отовсюду слышался храп. Он перекатился на спину, и его собственный храп гармонично влился в этот хор.

Когда он проснулся, рядом уже никого не было. Через отверстие в потолке виднелось голубое небо. Жена Хаджи Али, Сакина, увидела, что гость ворочается, и принесла ему ласси[6 - Ласси - традиционный прохладительный напиток Южной Азии из смеси йогурта, воды, соли и специй.], свежеспеченные лепешки чапатти[7 - Чапатти - традиционный индийский хлеб, лепешки, сделанные из муки низшего сорта и воды.] и сладкий чай. Это была первая

женщина балти, которая к нему подошла. Мортенсон подумал, что у нее самое доброе лицо, какое он видел в жизни. Морщинки в уголках рта и глаз говорили о веселом нраве. Длинные волосы были заплетены по-тибетски и скрывались под шерстяной шапочкой урдва, украшенной бусинками, ракушками и старинными монетами. Сакина стояла и ждала, когда Мортенсон приступит к завтраку.

Стоило ему откусить первый кусочек теплой чапатти, размоченной в ласси, как он понял, что страшно голоден. Мортенсон с волчьим аппетитом проглотил все, что принесла Сакина, и выпил сладкий чай. Женщина приветливо улыбнулась и принесла еще. Если бы Мортенсон знал, насколько дорог сахар для балти, как редко они сами употребляют его в пищу, он отказался бы от второй кружки чая.

Сакина вышла, а он стал осматривать комнату. Обстановка была спартанской, если не сказать нищенской. На одной стене висел выгоревший плакат с изображением швейцарского шале[8 - Шале – небольшой сельский домик в горах Швейцарии.] на зеленом лугу, покрытом яркими цветами. Все остальное – от закопченных кухонных принадлежностей до масляных фонарей – имело утилитарный характер. Тяжелое одеяло, под которым он спал, было сделано из темно-коричневого шелка и украшено крохотными зеркальцами. Остальные обитатели жилища укрывались тонкими шерстяными одеялами, украшенными тем, что оказалось под рукой. Эти люди явно отдали гостю лучшее, что было в доме.

Мортенсон услышал за окном громкие голоса, вышел из дома и вместе с остальными жителями деревни направился на скалу над рекой Бралду. Он увидел, как через реку по стальному тросу, натянутому на высоте 60 метров, перебирается человек. Такой способ переправы экономил ему полдня, которые потребовались бы на то, чтобы подняться выше по течению и перейти поток по мосту возле Корфе. Но падение означало бы его неминуемую смерть. Когда человек был уже на полпути над ущельем, Мортенсон узнал Музафара. Он увидел, что проводник захватил с собой и знакомый сорокакилограммовый рюкзак альпиниста.

На этот раз медвежья хватка Музафара не застала Мортенсона врасплох – он не закашлялся. Глаза проводника увлажнились. Он поднял руки к небу и воскликнул: «Аллах Акбар!» Казалось, на него пролилась манна небесная.

На ужин у Хаджи Али приготовили «biango» – жареную курицу, такую же жилистую и жесткую, как и те балти, что ее вырастили. Мортенсон узнал, что

Музафара в Каракоруме хорошо знают. Тридцать лет он считался одним из самых опытных проводников в Гималаях. Его достижения и заслуги были велики и разнообразны. Например, в 1960 году он сопровождал знаменитого американского альпиниста Ника Клипча в первом его восхождении на Машербрум. Грега поразило то, что за время похода Музафар ни разу об этом не упомянул.

Музафар помог Грегу встретиться с Дарсни. Мортенсон заплатил Музафару три тысячи рупий – гораздо больше, чем договаривались, и пообещал навестить в его деревне, когда окончательно поправится. Грег и не подозревал, что этот человек будет присутствовать в его жизни еще более десятка лет: он поможет преодолеть все сложности жизни в Северном Пакистане с той же уверенностью, с какой в горах преодолевал сходы лавин и коварные расщелины.

На джипе Мортенсон и Дарсни добрались до Скарду. И, лежа в удобной постели альпинистского мотеля «K2» после прекрасно приготовленного ужина, Грег вдруг понял, что его тянет назад в Каракорум. Он чувствовал, что в Корфе нашел нечто редкое – и обязательно туда вернется.

* * *

Мортенсон так и сделал, как только смог организовать поездку, и в этот раз снова воспользовался гостеприимством Хаджи Али. Каждый день он прогуливался вокруг Корфе в сопровождении детей, которые хватили его за руки. Он видел, что этот крохотный зеленый оазис среди пыльных скал обязан своим существованием неустанному труду. Сотни оросительных каналов, прорытых вручную, приводили его в восторг. Благодаря им ледниковая вода поступала на поля и в сады.

Вдали от опасностей Балторо он вдруг понял, насколько драгоценна жизнь. Стало ясно, как он ослабел: ему с трудом удавалось спускаться к реке. Однажды, стирая рубашку в ледяной воде, Грег увидел свое отражение – и был поражен. «Мои руки напоминали тонкие зубочистки. Мне казалось, что они принадлежат кому-то другому», – вспоминает он.

В тот день, возвращаясь в деревню, Мортенсон почувствовал себя стариком, похожим на тех, что часами сидели под абрикосовыми деревьями, покуривали трубки и ели абрикосовые ядрышки. Сил у него хватало лишь на час-два

прогулки, затем он возвращался на подушки к очагу Хаджи Али.

Вождь Корфе внимательно следил за состоянием Мортенсона. И однажды приказал забить для него одного из драгоценных огромных баранов. Сорок человек срезали жареное мясо с костей, а потом раскалывали кости камнями, чтобы не пропал драгоценный мозг. Участвуя в пиршестве, Грег понял, насколько редкими бывают в Корфе подобные трапезы. Эти люди постоянно жили на грани голода.

Силы возвращались к Мортенсону, вместе с ними обострялась восприимчивость. Впервые оказавшись в Корфе, он подумал, что попал в некую Шангри-Ла[9 - Шангри-Ла - вымышленная страна духовной гармонии и счастья, описанная в 1933 году писателем-фантастом Джеймсом Хилтоном в одном из своих произведений. Ценители творчества Хилтона сравнивают ее с мифической страной Шамбалой.]. Многие европейцы, попавшие в Каракорум, считают, что балти живут простой счастливой жизнью, куда более спокойной, чем в развитых странах Запада. Первые европейцы-романтики прозвали этот край «Абрикосовым Тибетом».

В 1958 году Мараини написал, что балти «действительно умеют наслаждаться жизнью». Итальянец посетил Асколе; там его восхитили «старики, сидевшие на солнце и покуривавшие свои живописные трубки, мужчины, трудившиеся в тени шелковицы с уверенностью, которая приходит только с жизненным опытом, и двое мальчиков, сосредоточенно и тщательно выбиравшие вшей друг у друга».

«Мы дышали воздухом абсолютного счастья, вечного покоя и мира, – писал он. – И мы задумались. Не лучше ли жить в неведении: не зная ни асфальта, ни щебня, ни автомобилей, ни телефонов, ни телевизоров? Не лучше ли жить в благодати, не ведая обо всем этом?»

Тридцать пять лет спустя балти по-прежнему жили, не ведая о благах цивилизации. Но, проведя несколько дней в деревне, Мортенсон начал понимать, что Корфе – это не рай до грехопадения, каким он представлялся европейской фантазии. В каждом доме кто-то страдал от тяжелой болезни. Старики балти годами не выходили из своих жилищ. Из разговоров с сыном Хаджи Али, когда тот вернулся с вечерней молитвы в деревенской мечети, Мортенсон узнал, что ближайший врач находится в Скарду, куда неделя пути. Каждый третий ребенок в Корфе умирает, не дожив до года.

Туаа рассказал, что его жена, Рокия, умерла во время родов семью годами раньше. После нее остался единственный ребенок – дочка Джахан. Коричневое зеркальное одеяло, под которым спал Мортенсон, было частью приданого Рокии.

Мортенсон не представлял, как помочь своим друзьям в Корфе и отплатить за их доброту, но был твердо намерен это сделать. И начал раздавать то, что у него было. Пластиковые бутылки и фонарики были нужны балти: каждым летом им приходится проводить много времени в пути со своими стадами. Мортенсон отдал все это мужчинам из семьи Хаджи Али. Сакине он подарил походную плиту, работающую на керосине, которого всегда хватает в любой деревне балти. Свою темно-красную куртку Мортенсон накинул на плечи Туаа и заставил принять ее, хотя сыну Хаджи Али она была на несколько размеров велика. Вождю он подарил теплую куртку «Хелли Хансен», которая спасала его от холода даже на К2.

Но самым ценным подарком оказались медикаменты из походной аптечки и опыт работы медбратом в отделении «Скорой помощи». Силы Мортенсона постепенно крепили. Теперь он часами бродил по крутым улочкам Корфе, переходя из дома в дом и делая то малое, что было в его возможностях. Мазью с антибиотиками обрабатывал открытые язвы, вскрывал и дренировал нарывы и гнойные раны. Лечил переломы и пытался облегчить страдания людей с помощью антибиотиков и обезболивающих средств. Куда бы он ни направился, за ним всегда следили десятки глаз. Слух о нем прошел по всей деревне. Больные с окраин Корфе отправляли родственников к «доктору Грегу», как впоследствии его стали называть во всем Северном Пакистане. И неважно, что он много раз твердил, что является лишь медбратом. Для этих людей он был врачом.

В Корфе Грег часто ощущал присутствие своей младшей сестры, Кристи. Особенно ярким было это чувство, когда его окружали местные ребятишки. «Вся их жизнь была преодолением, – вспоминает Мортенсон. – Они напомнили мне о том, как Кристе приходилось бороться за самые простые вещи. И о том, какой настойчивой она была, несмотря ни на что». Он решил, что должен что-то сделать для этих людей. Приехав в Исламабад, думал он, нужно будет потратить последние деньги на то, чтобы купить учебники для местной школы или лекарства.

Однажды вечером, лежа у очага, Мортенсон сказал Хаджи Али, что хотел бы посетить местную школу. Он заметил, что по лицу старика пробежала тень. Но все же настоял на своем. Вождь согласился показать ему школу на следующее

утро.

После традиционного завтрака, состоявшего из чапатти и чая, Хаджи Али по крутой тропе повел Мортенсона на большую открытую площадку, расположенную на высоте 300 метров над рекой Бралду. Вид оттуда открывался потрясающий. Над серыми скалами гордо высились ледяные гиганты верховий Балторо. Их заснеженные вершины будто врезались в ярко-голубое небо. Но Мортенсон не заметил этой красоты. Он с ужасом увидел, как восемьдесят два ребенка (семьдесят восемь мальчиков и четыре девочки, которым хватило мужества присоединиться к классу) сидят прямо на холодной земле под пронизывающим ветром. Хаджи Али, не глядя Грегу в глаза, сказал, что в деревне нет школы, а пакистанское правительство не присылает учителя: ему нужно платить доллар в день, а деревне это не по силам. Поэтому они наняли одного учителя на две деревни – Корфе и Мунджунг. Три дня в неделю он работает в Корфе. Все остальное время дети занимаются сами.

Мортенсон с комом в горле наблюдал, как ученики замирают в благоговейной сосредоточенности и начинают свой «школьный день» с пения пакистанского национального гимна. «Благословенна будь, священная земля. Будь счастлив, изобильный край, символ славных дел, наш Пакистан», – пели дети, и пар от их дыхания таял в почти зимнем воздухе. Мортенсон заметил семилетнюю дочку Туаа, Джухан. Закутанная в платок девочка пела: «Пусть вечно сияет слава народа, страны и государства. Флаг с полумесяцем и звездой ведет нас по пути прогресса и совершенства».

Живя в Корфе, он часто слышал, как жители деревни жалуются на пакистанское правительство, где засели пенджабцы[10 - Пенджабцы – основное население провинции Пенджаб на востоке Пакистана, в бассейне реки Инд.]. Эта власть была для них чуждой. Чаще всего говорили о коррупции, из-за которой даже те малые средства, которые выделялись для народа Балтистана, на долгом пути от Исламабада до удаленных горных долин полностью разворовывались. Люди удивлялись: правительство Пакистана приложило много усилий, чтобы отвоевать эту часть Кашмира[11 - Кашмир – историческая область в Азии. Часть ее территории составляет индийский штат Джамму и Кашмир, часть находится под контролем Пакистана.] у Индии, а потом благополучно забыло о живущих здесь людях.

Было совершенно ясно, что большая часть правительственных денег, которая доходила до горных высот, предназначалась для армии. Противостояние на

леднике Сиачен обходилось дорого. Но Мортенсон поражался тому, что правительство даже такой бедной страны, как Пакистан, не может выделить деревне Корфе доллар в день на учителя. Почему столь малой ценой нельзя повести детей к «прогрессу и совершенству»?

Когда отзвучали последние ноты гимна, дети уселись кружком и начали переписывать таблицу умножения. Большинство писало прямо в пыли палочками, специально принесенными для этой цели. Те, кому повезло больше, в том числе Джахан, писали на грифельных досках, окуная палочки в разведенную водой грязь. «Можете себе представить, чтобы американские четвероклассники одни, без учителя сидели и спокойно делали уроки? – спрашивает Мортенсон. – Я почувствовал, что у меня разрывается сердце. Их желание учиться было столь сильным... А все вокруг было против них! Эти дети напомнили мне Кристу. Я понял, что должен хоть что-то сделать для них!»

Но что? Денег оставалось лишь на самую скромную еду и дешевую гостиницу. На джипе и автобусе он доберется до Исламабада и улетит на самолете домой. В Калифорнии же Грега ожидает лишь внештатная работа медбрата. А все его имущество помещается в багажнике старенького «бьюика», который был почти что его домом...

И все же Мортенсон был преисполнен решимости помочь детям, забытым собственным правительством.

Стоя рядом с Хаджи Али и глядя на долину, над которой высились заснеженные горы, он вспомнил о своей решимости подняться на К2 и оставить там ожерелье Кристы. И внезапно понял, что в память о сестре нужно сделать нечто другое, более значимое. Он положил руку на плечо вождя, как не раз делал старик после первой выпитой вместе кружки чая. «Я построю вам школу», – сказал он, еще не понимая, что после этих слов вся его жизнь пойдет совершенно другим путем – еще более извилистым и сложным, чем тот, которым он спускался с К2. «Я построю школу, – сказал Мортенсон. – Обещаю».

Глава 4

Камера хранения

Величие всегда опирается на одно и то же – на способность выступать, говорить и действовать, как самые обычные люди.

Шамсуддин Мухаммед Хафиз

В камере хранения пахло, как в Африке. Стоя на пороге незапертой комнаты размерами два на два с половиной метра и слушая шум автомобилей на оживленной Сан-Пабло Авеню, Мортенсон не понимал, где находится. И неудивительно: ведь его утомительное путешествие длилось сорок восемь часов. Вылетая из Исламабада, он был преисполнен решимости действовать и уже придумал с десяток разных способов найти деньги на строительство школы в Корфе. Но, оказавшись в Беркли, растерялся. Он чувствовал себя чужим под этим чистым небом, среди преуспевающих студентов университета, направляющихся пить очередной эспрессо. Он помнил о своем обещании Хаджи Али, но сейчас прошедшие события казались ему полузабытым фильмом.

Смена часовых поясов. Культурный шок...

Как ни крути, Мортенсон уже не раз сталкивался с подобными ощущениями. Поэтому, как всегда после восхождений, и пришел сюда, в камеру хранения Беркли, зал 114.

Здесь он всегда обретал себя.

Грег вгляделся в душный полумрак, потянул за веревочку, чтобы включить лампочку. Перед ним появились пыльные книги по альпинизму, громоздящиеся вдоль стен; караван резных статуэток изящных слонов из черного дерева, принадлежавших отцу. На старом фотоальбоме сидела шоколадного цвета плюшевая обезьянка Джи-Джи – любимая игрушка детства.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Балти – народность в Кашмире, исторической области в Азии (бассейн верхнего Инда). Часть Кашмира находится под контролем Пакистана. Балти живут в горной системе Каракорум, районах слияния рек Шьок, Шигар, Инд.

2

Йосемитская долина – долина реки Йосемити-Крик в США, штат Калифорния, Йосемитский национальный парк.

3

Йосемит – национальный парк США, штат Калифорния.

4

Шиитский ислам – одно из двух (наряду с суннитским исламом) основных направлений в мусульманстве.

5

Шерпы – народ на востоке Непала и в соседних районах Индии. Буддисты.

6

Ласси – традиционный прохладительный напиток Южной Азии из смеси йогурта, воды, соли и специй.

7

Чапатти – традиционный индийский хлеб, лепешки, сделанные из муки низшего сорта и воды.

8

Шале – небольшой сельский домик в горах Швейцарии.

9

Шангри-Ла – вымышленная страна духовной гармонии и счастья, описанная в 1933 году писателем-фантастом Джеймсом Хилтоном в одном из своих произведений. Ценители творчества Хилтона сравнивают ее с мифической страной Шамбалой.

10

Пенджабцы – основное население провинции Пенджаб на востоке Пакистана, в бассейне реки Инд.

11

Кашмир – историческая область в Азии. Часть ее территории составляет индийский штат Джамму и Кашмир, часть находится под контролем Пакистана.

Купить: https://telnovel.com/relin_greg/tri-chashki-chaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)